

Примечания

¹ История российской государственной статистики: 1811—2011. М., 2013.

² *Perrot J.-C. State and Statistics in France 1789—1815. Glasgow, 1984. P. 93; Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII—XVIII веков. М., 1945. С. 7.*

³ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 18. См. также: *Скрыдлов А.Ю.* Академик К.Ф. Герман: на пересечении науки и государственной службы (к 250-летию со дня рождения учёного) // *Социология науки и технологий.* 2017. Т. 8. № 1. С. 20.

Галина Ульянова

Рец. на: К. Pickering Antonova. An ordinary marriage: the world of a gentry family in provincial Russia. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 2013. XV + 304 p.*

Galina Ulianova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Rec. ad op.: К. Pickering Antonova. An ordinary marriage: the world of a gentry family in provincial Russia. N.Y.; Oxford, 2013

DOI: 10.31857/S086956870005194-4

В последние годы историки всё больше внимания уделяют изучению истории частной жизни, вдохновляясь концепциями и подходами, выработанными французской «Школой Анналов» и Ю. Хабермасом¹. Историография обогатилась рядом работ, в которых рассматриваются различные аспекты частной и повседневной жизни дворянских и купеческих семейств в городах и деревнях имперской России².

В представленной книге американской исследовательницы Кэтрин Пикеринг Антоновой соединился интерес, во-первых, к истории частной жизни дворянской семьи через призму гендерного подхода, во-вторых, к реконструкции бытовой и культурной истории жизни русской провинции. В качестве основного метода автор избрала микроисторический подход, введя в научный оборот прежде неизвестные письма, дневники, воспоминания³.

Изучение микроистории европейскими и американскими исследова-

телями датируется 1960—1970-ми гг.⁴ Однако в Советском Союзе, а затем в России, эти исследования запаздывали — микроисторические штудии на российском материале начались с конца 1980-х гг. Ранее чем историки к этим вопросам и подходам обратились филологи (прежде всего представители тартусской школы Ю.М. Лотмана), культурологи, а из историков — медиевисты, изучавшие западноевропейскую историю (например, А.Я. Гуревич⁵).

До выхода книги Пикеринг Антоновой микроисторическое изучение жизни помещика в усадьбе предпринимали лишь С. Хок («Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии») и М. Кавендер («Дворянские гнёзда: семья, поместье и преданность родным местам в истории провинциальной России»)⁶.

Девятнадцатое столетие считается в историографии «золотым веком» частной жизни. Тогда российское дво-

* *Пикеринг Антонова К.* Обыкновенное супружество: мир дворянской семьи в российской провинции. Нью-Йорк; Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2013. 329 с.

рянство являлось наиболее влиятельным и состоятельным сословием, и, указывает Пикеринг Антонова, «дворянская идентичность находилась в тесной связи с этосом государственной службы и институтом крепостничества». Автор представляет функционирование и эволюцию частного пространства и личных отношений членов дворянских семей в России на примере жизни в имении в 1820—1875 гг. четы Чихачёвых (Андрей, его супруга Наталья, дети, брат Яков, и др.). При этом автор детально исследует внутренний мир этого семейства, анализирует повседневную жизнь домохозяев и их эмоциональные проявления (в русле модного сейчас научного направления «история эмоций»).

В основе труда Пикеринг Антоновой — комплекс источников, обнаруженный ею в Государственном архиве Ивановской области (письма, дневники, счётные хозяйственные книги и другие материалы семейного архива Чихачёвых). В течение девяти месяцев 2005 г. исследовательница работала с данными документами, посетила сёла и деревни, которые упоминаются в её книге (например, выяснилось, что в Берёзовике сохранилась каменная церковь, возведённая в конце XVIII в., а от барского дома не осталось и следа).

Монография логично структурирована (введение, десять глав, заключение), в ней представлены почти все аспекты жизни российской провинциальной помещицкой небогатой семьи в первой половине XIX в.: рождение и смерть, болезни и излечение, материнство и отцовство, хозяйственные заботы и общение с соседями, понимание своего места в провинциальном социуме и дворянской иерархии. Материал, представленный в книге, несомненно, будет очень интересен даже искушённому читателю.

Достоинством книги является её компаративистский фокус, рассмотрение российского опыта в контексте европейских и американских моделей. Автор помещает историю семьи Чихачёвых в транснациональный контекст, сравнивая распределение гендерных ролей с семейными моделями, прежде всего викторианской Англии, а также США, Франции, стран Восточной Европы. Использование Пикеринг Антоновой концептов «*domesticity*» («сфера домашней жизни», но единого мнения о переводе этого термина на русский язык пока нет) и «разделённых сфер» обогащает понимание истории семьи и истории женщин в XIX в., а также вносит ценный вклад в историографические дебаты. Согласно концепции «разделённых сфер» компетенции мужчин и женщин в большинстве европейских стран в XVIII—XIX вв. различались: к социальным практикам первых относились политика, экономика, юридические права, вторых — исключительно сфера семьи и домашнего очага.

Однако последующие исследования европейской истории показали, что базовый принцип «разделённых сфер» был важным, но отнюдь не единственным среди многих форм гендерной идентификации, существовавших и переплетавшихся в социальной истории Европы в XIX в.⁷ В дворянских и купеческих семьях, например в России, в ряде регионов Франции, в Скандинавии женщины могли распоряжаться капиталами, вести дела фирмы, и конструкция ролей в семье была сложнее.

В ключевой концептуальной главе монографии «Домашний круг и материнство» Пикеринг Антонова рассмотрела воззрения мужа и жены на их семейные обязанности, представив с точки зрения риторики о сфере домашней жизни анализ публицистики Андрея Чихачёва, — его цикл статей

«Важность хозяйки в доме», опубликованный в «Земледельческой газете». Таким образом, исследовательница продолжает дискуссию историков о «*domesticity*», начатую М. Маррезе («Царство женщин: женщины-дворянки и контроль над собственностью в России. 1700—1861») и продолженную Л. Фарроу («Между кланом и короной: борьба за определение прав собственности дворянства в имперской России»)⁸.

Тот же вопрос обсуждается и в главе «Управление поместьем», где содержатся размышления о причинах доминирующей роли женщин-владельцев в управлении имуществом. Пример Чихачёвых, где хозяйством распорядилась супруга (что демонстрируют дневники и хозяйственные книги, которые вела Наталья в 1835—1837 гг.), — ещё одно подтверждение значительного влияния женщин в сфере владения недвижимостью, ранее отмеченное в вышеназванных трудах Маррезе и Фарроу и книге У. Вагнера «Брак, собственность и право в поздней имперской России»⁹.

Автор рассуждает о сходстве и различии моделей идеологии ведения домашнего хозяйства — российской дворянской (на примере четы Чихачёвых), британской и «женщины штетла» (хозяйственные и материнские обязанности женщины в семьях восточноевропейских евреев). По мнению Пикеринг Антоновой, «англо-французская модель... была широко распространена в российской периодической печати и книгах советов в середине XIX столетия. Эти источники распространяли образы семейной близости и счастья, и рекомендовали девушкам и женщинам соблюдать благочестие, чистоту и покорность» (р. 136). Однако, как справедливо отмечает автор, в русской модели нельзя сбрасывать со счетов и отголоски «Домостроя».

Глава «Мир провинции» посвящена географии жизни Чихачёвых. Здесь указано, сколько времени занимали их перемещения от принадлежавших им усадеб Дорожаево и Бордуки (где они постоянно проживали) до губернского города Владимира и уездного центра, как часто они отправлялись в путешествия, с кем из родственников общались. Имение Чихачёвых располагалось в бедном земледельческом районе (между Ковровом и Шуей). Они выращивали зерно и лён для собственного потребления и на продажу. В собственности у супругов в общей сложности находилось от 240 до 350 «душ» мужского пола, большинство крепостных были на оброке.

Вопрос о провинциальном сообществе как системе семейных, дружеских, служебных и хозяйственных связей, складывавшихся в течение десятилетий и даже столетий, поставлен в главе «Общество». Согласно составленной Андреем Чихачёвым генеалогии, его прадед Андрей Степанович был первым из их рода, жившим в Дорожаево в середине XVII в. Здесь же затронут вопрос о роли писем в коммуникативном механизме провинциального сообщества. Ежедневная корреспонденция существовала не только ради общения его членов, но и была способом сохранения их места в иерархии. Из-за скромных финансовых возможностей провинциальные дворяне редко выезжали в Москву, поэтому письма, ментально заменявшие им путешествия, становились способом освоения мира.

Кропотливо реконструировав ход жизни в сельской местности (глава «Деревня»), автор показала взаимоотношения помещика и крестьян на основе дневников и писем Чихачёвых, статей Андрея в «Земледельческой газете» (так, из его заметок стало известно, что из-за нехватки денег нача-

тое им строительство каменного дома в Дорожаеве длилось восемь лет). Для провинциального дворянства выход из пространства частной жизни мог осуществляться, например, через публицистику (Чихачёв печатался в московских и владимирских изданиях) или участие в местных добровольных обществах (сельскохозяйственное, библейское, благотворительное), а также в других организациях неполитического характера. Приобщение к культурной среде происходило благодаря чтению литературных новинок. Живя в дальних деревнях, помещики получали газеты, выписывали книги из лавок купцов-книготорговцев Москвы и Петербурга.

Вопрос о роли чтения в жизни дворянской семьи детально рассмотрен в главе «Социальные связи, благотворительность и досуг». Пикеринг Антонова пишет, что по вечерам Чихачёвы читали вслух «Эмму» Дж. Остин и «Камиллу» Ф. Барни, «Роб Роя» В. Скотта, а также весьма популярный в России журнал «Библиотека для чтения». Из русских авторов в этой семье любили перечитывать и обсуждать труды А.С. Пушкина и Ф.В. Булгарина, а также «Историю Государства Российского» Н.М. Карамзина.

Автор отмечает, что в текстах Андрея Чихачёва предстаёт идеальная картина согласия помещика и крестьян в деревне — указываются такие черты деревенской жизни, как «взаимные преимущества», «уважение», «религия», «порядок» и «аккуратность». Но одновременно в семейном архиве сохранились свидетельства 1820—1830-х гг. о беглых крестьянах (некоторых удалось вернуть), воровстве крестьян, незаконной вырубке ими барского леса. За провинности несколько крестьян отправили в работный дом во Владимир, причём эрудированный Андрей в письме к брату Якову сравнил этих

бунтовщиков с «древними новгородцами». Такие взаимоотношения барина и крестьян, по мнению Пикеринг Антоновой, лежали в плоскости патернализма, где владельцы относились к крепостным, как к детям, не всегда разумным в своих поступках. Автор рассматривает взгляды Андрея Чихачёва в контексте дебатов его современников — западников и славянофилов. В отличие от последних, Андрей, постоянно живший в деревне (за исключением пяти лет военной службы), не идеализировал русских крестьян. Пример тому — его статья «Два слова о работах господских людей», опубликованная в «Московских губернских ведомостях» в 1847 г.

Размышляя о ролях мужа и жены в воспитании детей, автор сравнивает модели, сложившиеся в России (на примере Чихачёвых) и викторианской Англии, объясняет их сходство и различие. Картина воспитания сына Андрея — Алексея — воссоздана на базе ценного источника — трёх дневников, которые Алексей вёл с 10 до 23 лет. Эти записи демонстрируют огромную роль отца в приучении сына к умственному труду и дворянскому образу жизни. Откуда же черпал Андрей Чихачёв свои идеи воспитания, кроме подсказанных ему интуицией? Судя уже по его собственному дневнику, они вместе с сыном читали как «очень полезную книгу» «Приключения Телемаха» Ф. Фенелона. Как отмечает Пикеринг Антонова, об особом влиянии этого писателя на труды о воспитании в XVIII—XIX вв. указывает и известный британский исследователь К. Келли¹⁰.

В последнее десятилетие предметом изучения специалистов по социальной истории стала тема болезни, боли и физического страдания (например, монография И. Берк «История боли: от молитвы до болеутоля-

ющих средств»¹¹). В главе «Болезнь, горе и смерть» Пикеринг Антонова рассуждает о том, как Наталья, родившая четверых детей (двое умерли в младенчестве), могла столь усердно руководить имением даже в период своих болезней (в её дневнике нередко встречаются фразы «не могла встать с постели», «провела весь день в постели»)? Упомянутся в дневниках обоих супругов женские заболевания (мигрени, недомогания, связанные с беременностью, менструальным циклом, послеродовым периодом), а также описанные мужем периодические истерические припадки жены. Из «мужских» заболеваний Чихачёв упоминает свою депрессию.

В монографии через феномен «обыкновенного супружества» Чихачёвых рассмотрены экономические и культурные факторы существования помещичьей семьи. Представляется, что важными элементами, обеспечивавшими супружескую толерантность в этой паре, были любовь и психологическая совместимость. Брак Чихачёвых продлился 46 лет. После смерти Натальи (1866) Андрей сильно горевал. В дневнике, вспоминая о супруге, он нежно называл её «забвенная моя голубушка, старушка-радетельница моя».

Книга К. Пикеринг Антоновой вносит ценный вклад в исследование культуры русского европеизированного дворянства и будет весьма полезна всем изучающим историю XIX в., в том числе преподавателям вузов для подготовки лекционных курсов. Хотелось бы рекомендовать книгоиздателям рассмотреть вопрос об издании этого труда на русском языке.

Примечания

¹ Histoire de la vie privée / Eds. P. Ariès, G. Duby. Vol. 5. P., 1985—1987; изд. на рус. яз.: История частной жизни / Под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. В 5 т. М., 2017—2018; *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen

zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Darmstadt; Neuwied, 1962; изд. на рус. яз.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

² См., например: *Белова А.В.* Женщина дворянского сословия России конца XVIII — первой половины XIX века: социокультурный тип (по материалам Тверской губернии). М., 1999; *Веремченко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России. СПб., 2007; *Миненко Н.А., Анкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006. С. 295—329; *Банникова (Бурлуцкая) Е.В.* Повседневная жизнь провинциального купечества (на материалах губерний Урала дореформенного периода). СПб., 2014; *Шокарева А.* Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М., 2017.

³ В историографии использования автобиографических источников следует отметить две основополагающие книги с международным составом авторов: *Self and Story in Russian history* / Eds. L. Engelstein, S. Sandler. Ithaca, 2000; *Autobiographical Practices in Russia* / Eds. J. Hellbeck, K. Heller, Göttingen, 2004.

⁴ *Ginzburg C.* Il formaggio e i vermi. Il cosmo di un mugnaio del Cinquecento. Einaudi, 1976; изд. на рус. яз.: *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. М., 2000.

⁵ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.

⁶ *Hoch S.L.* Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, a Village in Tambov. Chicago, 1989; изд. на рус. яз.: *Хок С.* Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993; *Cavender M.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007.

⁷ См.: *Women, Business, and Finance in Nineteenth-century Europe. Rethinking Separate Spheres* / Eds. R. Beachy, B. Craig, A. Owens. Oxford, N.Y., 2005. P. 9.

⁸ *Marrese M.L.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700—1861. Ithaca, 2002; *Farrow L.A.* Between Clan and Crown: The Struggle to Define Noble Property Rights in Imperial Russia. Newark, 2004. В 2009 г. вышло русское издание книги М.Л. Маррезе, к сожалению, с крайне неудачным названием: «Бабы царство: дворянки и владение имуществом в России (1700—1861)» — вместо дословного перевода: «Царство женщин», отсылавшего к известной книге историка К. Валишевского, который писал о русских правительницах XVIII в. Таким образом, в названии книги Маррезе исчезло главное — признак того, что исследуется история дворянства как социальной группы, а не крестьянок, которые в лексиконе XIX в. обозначались словом «бабы».

⁹ Wagner W.G. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

¹⁰ Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001. См. также: Келли К. Вос-

питание Татьяны: нравы, материнство, нравственное воспитание в 1760—1840-х годах // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 61—97.

¹¹ См., например: Bourke J. The Story of Pain: from Prayer to Painkillers. Oxford, 2014.

Фёдор Гайда

Рец. на: М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904—1927. Очерки и документы. М.: Common Place, 2018. 352 с.

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)

Rec. ad op.: M.A. Kolerov. Arkheologiya russkogo politicheskogo idealizma: 1904—1927. Ocherki i dokumenty. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870005109-0

В изданный М.А. Колеровым сборник вошли его статьи и документальные публикации — как новые, так и публиковавшиеся ранее, а теперь исправленные и значительно дополненные. Как и в ряде прежних работ¹, в центре внимания исследователя находятся наиболее видные представители русского «социального идеализма» начала XX в. — П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и С.Л. Франк. Этой интеллектуальной квадриге Колеров придаёт особое значение. По его мнению, несмотря на политическое поражение, «их борьба и теперь сопровождает русскую мысль в её присягах и изменах национальному освобождению, либеральному индивидуализму, социализму (справедливости) и государству (культурно-исторической мощи). Впереди, в новой русской истории, — их очередное утверждение и опровержение» (с. 8; здесь и далее курсив автора).

Книга охватывает широкий исторический период, переломный для её героев. Молодёжь конца XIX в., по собственному ощущению, росла в атмосфере «безвременья» и постепенно нарастающей политизации. Разделение на «официальную» и «неофици-

альную Россию», отчётливо обозначившееся в 1881 г., являлось питательной средой для «гражданской скорби», а впоследствии и для целого каскада утопических доктрин. Политика, не дозволенная как вид практической деятельности, примешивалась к любым формам творчества. Властителями дум стали С.Я. Надсон и В.М. Гаршин, у которых социальный пафос явно доминировал над эстетикой. А.П. Чехов среди подобных кумиров был чем-то чужеродным. Однако Колеров показывает, как постепенно писателя признали «своим» в лагере «социального идеализма», где «общественная» проблематика была тесно увязана с представлениями о значимости личности (с. 14—31). В выявленном историком некрологе Бердяев писал о Чехове: «Тоска и томление по общественной правде и религиозному смыслу жизни, разлитые по всем художественным творениям Чехова, делают его продолжателем великих заветов русской литературы и создадут ему вечную память» (с. 34).

Социальный либерализм, покоившийся с 1902 г. на идеях сборника «Проблемы идеализма» (с. 248—249) и журнала «Освобождение», был ори-